

Руководствуясь Вашими спасительными наставлениями и желанием снискать Вашу апостолическую милость, после ценного для нас обмена мнениями отвечаем на святые предписания, каковые Вы нам направили. И если бы за чрезмерное промедление нас признали бы повинными в небрежении или нерадивости, да не падет на нас осуждение, но да будет во благо нам Ваше святое смирение. И, учитывая, какого рода и сколько совещаний необходимо нашему братству, дабы и впредь действовать как должно, с тем чтобы существование содружества было принято во внимание, рассмотрите то, чего мы здесь касаемся, и, если бы случилось, что отсутствием должной поспешности мы навлекли на себя Ваши упреки, мы просим о снисхождении, и да поможет Вам Ваше великое добросердечие применить его к нам.

Как чуждые неблагодарности дети, прочли мы, благочестивый отец, Ваше письмо, которое, полностью совпадая со всеми нашими чаяниями, тотчас же наполнило души наши такую радостью, какую никто не смог бы измерить ни словами, ни мыслями. Ибо смысл послания Вашего, составленного в форме отеческого увещания, лишней раз сулит нам благополучие родины, коего мы как бы в сновидений желали и страстно жаждали. Ради чего же еще мы ввергли себя в гражданскую войну? И какое иное назначение было у наших белых знамен? И ради чего иного мечи наши и копья окрасились кровью, если не ради того, чтобы те, кто дерзко и самочинно урезал гражданские права, склонили главу под властью благотворного закона и вынуждены были соблюдать мир в отечестве? Несомненно, что у справедливой стрелы нашего стремления, приведенной в движение тетивой, что служила нам, была, есть и будет впредь одна-единственная цель – спокойная жизнь и свобода флорентийского народа. Так что, если Ваши усердные бдения направлены на то, чтобы добиться столь желанного для нас блага, и коль скоро Вы намереваетесь вернуть противников наших, к чему как будто и устремлены Ваши святые усилия, на путь добрых гражданских традиций, кто сумеет воздать Вам соразмерную благодарность? Это не под силу нам, отче, так же как и всем живущим на земле флорентийцам. Но коль скоро на небе есть Доброта, которая вознаграждает подобные деяния, да вознаградит она Вас по заслугам – Вас, кто проникся состраданием к столь великому городу и спешит положить конец распрям его граждан.

После того как через представителя святой религии брата Л., советчика в делах общественного спокойствия и мира, нас предупредили и настоятельно попросили, как это было сделано и в самом Вашем письме, о том, чтобы мы прекратили все военные действия и всецело отдали себя в Ваши отеческие руки, мы, преданнейшие Ваши дети, любящие справедливость и мир, отложив в сторону мечи, искренне и по доброй воле вверили себя Вашей власти, о чем Вам станет известно из доклада Вашего посланца, упомянутого брата Л., и о чем посредством публичных документов, в надлежащей форме составленных, будет торжественно объявлено.

И посему с сыновним почтением и с большой любовью мы просим, чтобы Ваша Милость соблаговолила оросить безмятежным спокойствием и миром уже так давно измученную Флоренцию и одобрить нас, всегда защищавших ее народ, и вместе с нами наших единомышленников; так же как мы никогда не переставали любить отечество, мы намерены никогда не выходить за пределы Ваших велений, но всегда повиноваться, из чувства долга и из преданности, Вашим указаниям, каковы бы они ни были.

II

Графам да Ромена

[Это письмо написал Данте Алигьери графам Оберто и Гвидо да Ромена после смерти их дяди графа Александра, дабы выразить им свои соболезнования по поводу его кончины.]

Дядя ваш Александр, славный граф, который в эти дни возвратился на небеса, где родилась и откуда пришла его душа, был моим господином; и память о нем, до тех пор пока я живу на земле, всегда будет властвовать надо мной, ибо исключительное благородство его, которое ныне по ту сторону звезд заслуженно и щедро вознаграждено, сделало меня с давних пор его добровольным слугой. И действительно, эта его добродетель, сопровождавшаяся в нем всеми остальными, возвышала его славное имя над именами других италийских героев. И о чем еще говорил его героический герб, как не о том, что «мы являем бич – изгонитель пороков»? Ибо с наружной